

Особенности адаптационных ресурсов мирных жителей, проживающих в зоне вооруженного конфликта, в контексте изучения трансформаций личности

Рядинская Е.Н.,

кандидат психологических наук, доцент, Академия психологии и педагогики, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия, tuchalola@mail.ru

---

В статье приводятся данные эмпирического исследования особенностей адаптационных ресурсов населения, проживающего в условиях вооруженного конфликта. В исследовании приняли участие 723 человека, проживающих в непосредственной зоне вооруженного конфликта, в возрасте от 17 до 75 лет разной половой принадлежности. Эмпирически показано, что респондентам первой группы (малоинтенсивно обстреливаемые районы) в основном присущи высокая активность, бодрость, спокойствие, они обладают здоровым оптимизмом, активны и удовлетворены жизнью; данные показатели более выражены у женщин в возрасте 19–35 лет. Установлено, что в первой группе почти половина респондентов имеет высокий уровень нервно-психической устойчивости; более высокий уровень наблюдается у мужчин. Определено, что респондентам второй группы (интенсивно обстреливаемые районы) свойственны проявления раздражительности, тревоги, а также подавленности, безысходности. Они характеризуются быстрой утомляемостью, низкой работоспособностью, вялостью, снижением энергетического потенциала, эмоциональной устойчивости, моральной нормативности. У данной группы людей отмечается средняя нервно-психическая устойчивость, наблюдаются признаки стресса и психической дезадаптации (в основном у женщин 35–60 лет и старше), они менее удовлетворены жизнью в целом, чем респонденты первой группы, а также ниже оценивают личностную успешность. Эти данные наиболее выражены у женщин 19–35 лет и у мужчин 35–60 лет. Показано, что испытуемые обеих групп имеют высокий уровень личностного адаптационного потенциала, что характеризует их быструю адаптацию к новым условиям действительности. Наиболее адаптивными в первой и второй группах являются молодые люди 17–19 лет, а также женщины в возрасте 19–35 лет. Основными выводами проведенного исследования являются утверждения о том, что длительное проживание в зоне вооруженного конфликта, особенно в районах

интенсивных обстрелов, существенно влияет на адаптивные способности человека: с одной стороны, активизирует его жизненные ресурсы, а с другой – может иметь негативные последствия для психического здоровья и привести к дезадаптации, снижению адаптационного потенциала.

Ключевые слова: адаптация, адаптационные ресурсы, зона вооруженного конфликта, район малоинтенсивных обстрелов, район интенсивных обстрелов, трансформации личности.

Для цитаты:

Рядинская Е.Н. Особенности адаптационных ресурсов мирных жителей, проживающих в зоне вооруженного конфликта, в контексте изучения трансформаций личности [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2017. Том 6. № 4. С. 105–124. doi: 10.17759/psyclin.2017060408

For citation:

Ryadinskaya Ye.N. Features of the adaptation resources of the civilians living in the area of the armed conflict in the context of personality transformations [Klinicheskaja i spetsial'naia psikhologija], 2017, vol. 6, no. 4, pp. 105–124. doi: 10.17759/psycljn.2017060408 (In Russ., abstr. in Engl.)

Введение

В современных условиях развития общества, характеризующегося тенденциями к увеличению количества вооруженных конфликтов и террористических угроз, проблема психологической адаптации человека к экстремальным условиям жизнедеятельности продолжает быть актуальной. Особенно важным является изучение адаптационных ресурсов мирных жителей, проживающих в условиях вооруженных действий, которые оказывают сильное влияние не только на психику человека, но и на личность в целом.

Проблемы социальной и психологической адаптации рассматриваются в работах К.А. Абульхановой-Славской, О.И. Зотовой, А.Г. Маклакова, Л.М. Растовой, А.А. Реана и др.; анализ адаптационных процессов с точки зрения философско-социологического подхода представлен в фундаментальных работах С.Д. Артемова, Т.Г. Дичева, В.З. Когана, А.Н. Розенберга; вопросы биологической, психической и психофизиологической адаптации изучались Ф.Б. Березиным, Н.Н. Василевским, В.П. Казначеевым и др. [3; 6; 11; 13; 14; 16; 17].

В научной литературе в рамках междисциплинарных исследований существует большое количество разновидностей понятий «адаптация» и «адаптированность». Адаптация в широком смысле слова есть приспособление к изменяющимся внешним

и внутренним условиям [4]. Биологический аспект адаптации выражен в приспособлении человека и животного к устойчивым и постоянно изменяющимся условиям внешней среды и в организме [6, с. 28]. Психологическая адаптация – явление, характеризующее оптимальный уровень приспособления психики человека к условиям среды, жизнедеятельности и к частным условиям [15].

Особый интерес представляет теория «адаптационного синдрома» Г. Селье, который описал адаптационные реакции организма на экстремальные ситуации в трехстадийном развертывании: стадия тревоги с мобилизацией защитных сил; стадия сопротивляемости – повышенной устойчивости организма к воздействию неблагоприятных факторов; стадии истощения [цит. по 21].

Под адаптированностью понимают уровень фактического приспособления человека, уровень его социального статуса и самоощущения [12].

Критерии адаптированности представлены в работах В.Н. Безносилова, И.А. Георгиева, В.В. Гриценко А.Н. Жмырикова, И.К. Кряжевой, Н.А. Нестеренко и др. [7; 8; 9; 11]. Так, И.К. Кряжева в качестве основных критериев адаптированности личности выделяет ценностно-ориентационную направленность и социально-психологический климат коллектива [11]. В.В. Гриценко выделил групповые и личностные критерии адаптированности. Групповые аспекты адаптированности включают удовлетворенность отношениями с новым коллективом, позитивную этническую идентичность, позитивный образ группы, межгрупповую толерантность; а личностные – актуализацию потребностей, удовлетворенность профессиональной деятельностью, удовлетворенность смыслом жизни и оптимистическое восприятие жизненной ситуации, активность, эмоциональную стабильность, интернальный локус контроля [8]. В контексте нашего исследования представляется интересной точка зрения Н.А. Нестеренко, который выделяет три основных критерия адаптированности личности: интеграция со средой, реализация личностного потенциала, эмоциональное самочувствие [1]. Таким образом, даже при различии в подходах и критериях адаптированности, авторы едины в выделении внутренних (личностных) ее показателей.

С 2014 года и до настоящего времени на востоке Украины длится вооруженный конфликт, в зоне которого проживает большое количество мирных жителей. В такой экстремальной обстановке население вынуждено приспосабливаться к ненормальным условиям существования. Известно, что состояния человека, попавшего в сложные условия жизнедеятельности, варьируются от психической напряженности до острой стрессовой реакции [2]. Процесс адаптации у каждого человека протекает по-разному, в зависимости от особенностей личности, силы и интенсивности стимулов экстремальной ситуации [10]. Говоря об адаптации индивида, следует учитывать уникальный характер этого процесса: адаптация одного человека никогда не будет копией адаптации другого [5]. Поскольку условия проживания в зоне вооруженного конфликта характеризуются резким ухудшением жизни, а также несут яркую эмоциональную окраску, меняются и жизненные принципы человека, подвергаются трансформации его жизненные ориентиры и

ценности, теряются смыслы [18]. Для разработки реабилитационных мероприятий в конфликтный и постконфликтный периоды важным является анализ адаптационных ресурсов личности, проживающей в зоне вооруженного конфликта. Это позволит оценить способность респондентов к адекватному выстраиванию своего будущего, а также проанализировать детерминирование жизненных стратегий и перспектив в постконфликтном периоде.

Цель исследования – выявление особенностей адаптационных ресурсов мирных жителей, проживающих в зоне вооруженного конфликта, в контексте изучения трансформаций личности.

Методы и материалы исследования

Эмпирическое исследование проводилось в восьми городах Донецкой Народной Республики (г. Ясиноватая, Горловка, Докучаевск, Дебальцево, Иловайск, Макеевка, Донецк, Енакиево), в которых с 2014 г. по 2017 г. с разной интенсивностью происходят боевые действия. В исследовании приняли участие 723 человека в возрасте от 17 до 75 лет.

Мы предположили, что непосредственное проживание в условиях вооруженного конфликта сопровождается негативными последствиями для психического здоровья личности и характеризуется низким уровнем адаптационных процессов. При этом у некоторой части населения возможны адаптивные реакции и активизация адаптационного потенциала.

С целью получить более достоверную информацию по изучаемой проблеме нами были сформированы две группы: первая группа (335 человек) проживали в районах малоинтенсивных обстрелов (РМО), во вторую (388 человек) входили жители из районов интенсивных обстрелов (РИО). Выборка была гетерогенной.

Для изучения особенностей адаптационных ресурсов мирных жителей, проживающих в зоне вооруженного конфликта Донецкой Народной Республики, нами использовались следующие **методы**: индивидуальные беседы, методика определения доминирующего состояния Л.В. Куликова, тест нервно-психической адаптации И.Н. Гурвича, многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО), разработанный А.Г. Маклаковым и С.В. Чермяниным. Результаты эмпирических полученных данных были подвергнуты математической обработке с использованием t-критерия Стьюдента и ϕ -критерия Фишера.

Результаты исследования и их обсуждение

Для определения характеристик психологического и социально-психологического уровней доминирующего психического состояния личности нами использовалась методика определения доминирующего состояния Л.В. Куликова, которая осуществлялась при помощи самооценок тестируемых. Результаты исследования доминирующего состояния респондентов представлены в табл. 1.

Таблица 1

**Особенности доминирующего состояния респондентов
двух исследуемых групп по методике Л.В. Куликова**

Шкалы методики определения доминирующего состояния (ДС)	1-я группа (РМО) (n=335)		2-я группа (РИО) (n=388)	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Активное/пассивное отношение к жизненной ситуации (Ак)	33,14±2,62	41,1±3,16	36,4±3,42	52,6±3,34*
Тонус высокий/низкий (То)	41,29±2,18	43,57±3,83	48,8±6,51	45,8±2,84
Спокойствие/тревога (Сп)	52,1±2,67	49,57±4,26	44,6±4,52	41,9±2,03
Устойчивость/неустойчивость эмоционального тона (Ус)	53,57±0,74	51,86±1,28	41,6±2,31*	35,4±3,23*
Удовлетворенность/неудовлетворенность жизнью (Уд)	51,43±4,93	55,1±5,40	40,4±4,12*	36±1,85*
Положительный/отрицательный образ самого себя (По)	46,1±8,98	55,86±2,99	45,2±2,85	53,2±1,39

Примечание: * – различия значимы при $p < 0,05$.

Анализ результатов определения доминирующего состояния респондентов первой и второй групп свидетельствует о значимых различиях по многим шкалам. Так, согласно результатам по шкале Ак (активное/пассивное отношение к жизненной ситуации) установлено, что большинство тестируемых первой группы (РМО) (68,9%) имеют активную жизненную позицию, верят в себя и свои возможности, готовы к преодолению препятствий и достижению поставленных целей. Они обладают здоровым оптимизмом и стремятся вопреки экстремальным условиям жизни планировать будущее и объективно комфортно устраивать свое настоящее (рис. 1).

Во второй группе (РИО) практически половина респондентов (49,6%) имеют активную жизненную позицию. Более оптимистичной она является у женщин в возрасте от 19 до 35 лет. Как известно, человек в ситуации острого стресса чаще испытывает подъем сил, у него может отмечаться повышенный эмоциональный фон, создается субъективное впечатление внутренней собранности, ему кажется, что он полон сил и энергии, готов преодолевать любые проблемные ситуации, особенно это наблюдается при затяжном стрессе. Однако очень часто в подобных

ситуациях людям свойственны быстрая утомляемость, низкая работоспособность, инертность, вялость, снижение энергетического потенциала.

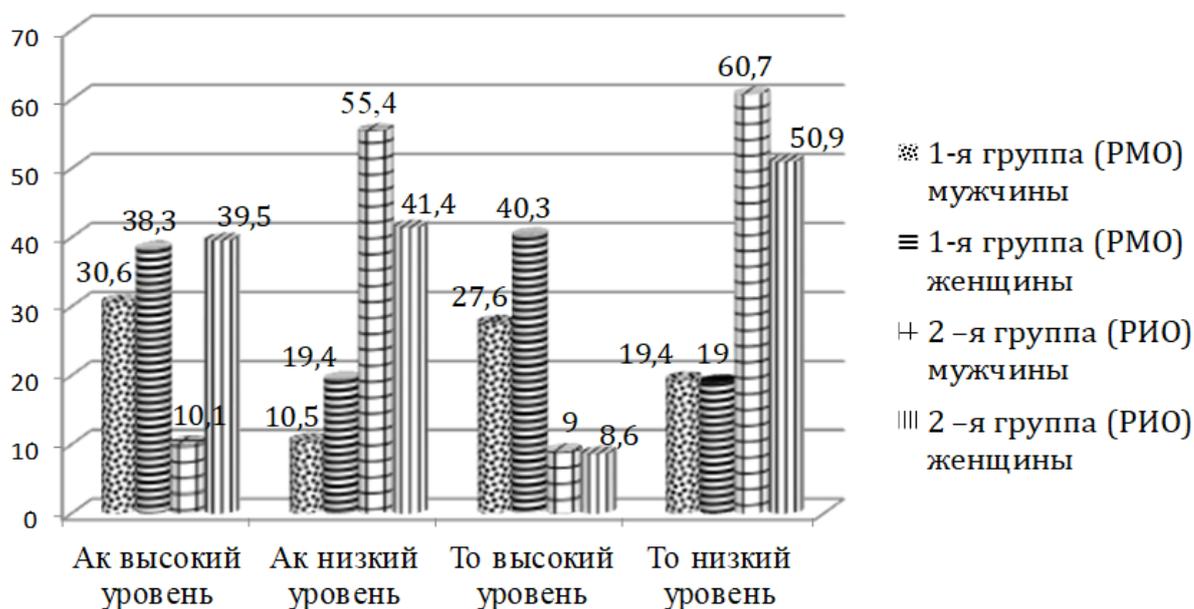

Рис. 1. Выраженность шкал Ак и То респондентов 1-й и 2-й групп по методике Л.В. Куликова (в %)

Примечание: Ак – активное/пассивное отношение к жизненной ситуации. То – тонус высокий/низкий.

В первой исследовательской группе (РМО) у 27,6% мужчин и 40,3% женщин выявлен высокий уровень по шкале *To* (тонус высокий/низкий), что может говорить об их высокой активности. У таких людей отмечаются стенические реакции на возникающие трудности, которые побуждают их к активной деятельности, мобилизуют внутренние ресурсы.

У респондентов второй группы (РИО) высокий уровень по данной шкале выявлен только у 17,6% мужчин и женщин. Большинство (60,7% мужчин и 50,9% женщин) имеют низкий уровень по шкале *To*, что может свидетельствовать о склонности проявлять астенические реакции на трудности (чувство подавленности, безысходности, унижения и др.). Подобный результат можно объяснить, прежде всего, длительностью вооруженного конфликта, его острым проявлением и отсутствием реальных перспектив мира. Особенно это касается людей из второй группы (РИО), которые более трех лет живут под постоянными обстрелами, с угрозой не только для своей жизни, но и для жизни близких людей.

Анализируя остальные шкалы методики Л.В. Куликова, мы выяснили, что по шкале *Сi* (спокойствие/тревога) большинство людей первой группы (РМО) в основном спокойны, уверены в своих силах, способны трезво и адекватно оценивать ситуацию (38,8% мужчин и 43,8% женщин) (рис. 2).

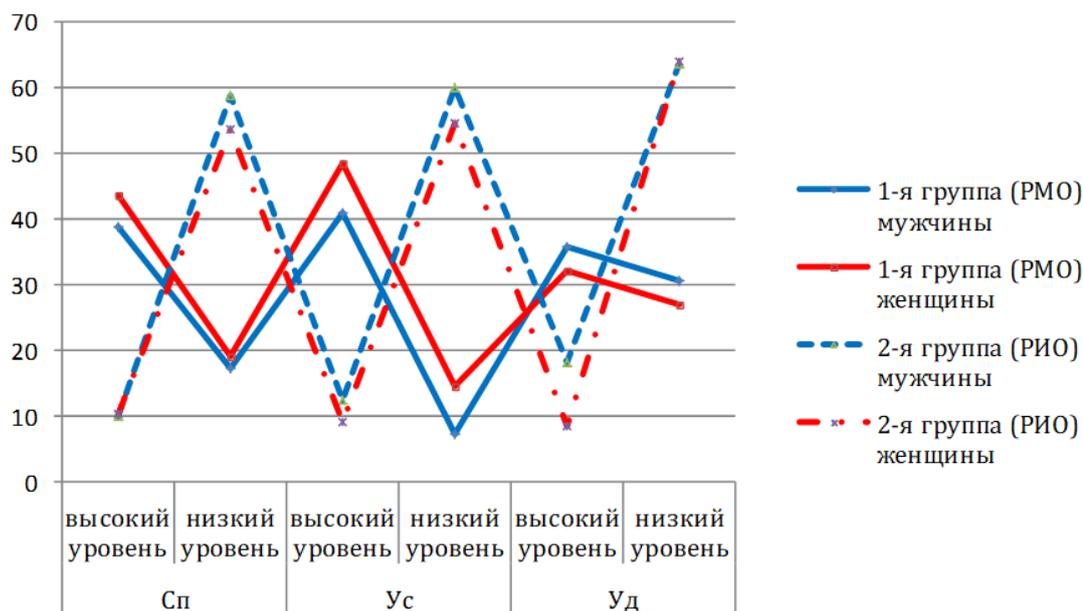

Рис 2. Выраженность шкал («Си», «Ус», «Уд») у респондентов исследуемых групп по методике Л.В. Куликова (в %)

Примечание: Си – спокойствие/тревога; Ус – устойчивость/неустойчивость эмоционального тона, Уд – удовлетворенность/неудовлетворенность жизнью в целом.

Большинство респондентов второй группы (РИО) – 58,8% мужчин, 53,6% женщин – имеет низкие показатели по данной шкале, что может характеризовать их как людей, постоянно находящихся в тревоге и беспокойстве, ожидающих неблагоприятного развития любой ситуации (причем такое состояние больше выявлено у лиц в возрасте от 35 до 65 лет).

Данные, полученные по шкале Ус (устойчивость/неустойчивость эмоционального тона), говорят об уровне протекания эмоциональных процессов. Большинство респондентов первой группы (41,1% мужчин и 48,7% женщин) можно охарактеризовать как эмоционально устойчивых людей, имеющих стабильный эмоциональный тон. Лишь небольшая часть респондентов в группе (7,4% мужчин и 14,5% женщин) имеет низкие показатели по данной шкале.

Во второй группе (РИО) 12,5% мужчин и 9% женщин имеют высокие оценки шкале Ус, но большинство – низкие (60,1% и 54,5% соответственно). Подобное явление можно объяснить тем, что в интенсивно обстреливаемых районах проживания у людей снижена эмоциональная устойчивость, может наблюдаться раздражительность, агрессия, частая смена настроения и др.

Шкала Уд (удовлетворенность/неудовлетворенность жизнью в целом) указывает на способность респондентов брать на себя ответственность и на уровень готовности преодолевать трудности, а также оценивать степень личностной успешности.

В группе мужчин из районов малоинтенсивных обстрелов (РМО) 35,8% обследуемых готовы нести ответственность за все происходящее в их жизни, они активны, не пасуют перед трудностями, считают себя успешными и удовлетворены жизнью в целом. Однако 30,6% опрошенных мужчин этой же группы имеют низкий уровень удовлетворенности жизни и личностной успешности.

Более трети женщин (32,3%) этой группы также активны и удовлетворены жизнью, а у 27% выявлен низкий уровень личностной успешности.

У большинства мужчин (63,7%) второй исследуемой группы (РИО) обнаружены низкие показатели личностной успешности и удовлетворенности жизнью в целом, что может сказываться на их способности и готовности преодолевать трудности. Особенно это выражено у мужчин 35–60 лет и старше.

Более чем у половины женщин (63,9%) этой группы были обнаружены низкие показатели по шкале «Удовлетворенность жизнью в целом», что может свидетельствовать об их слабой готовности преодолевать возникающие трудности в настоящий момент.

Таким образом, установлено, что у респондентов, проживающих в районах интенсивных обстрелов (РИО) уровень удовлетворенности жизнью и активность ниже, чем в первой группе исследуемых (РМО), а уровень тревоги, агрессии и раздражительности выше.

Для оценки состояния психического здоровья в континууме «здоровье–болезнь» нами использовался тест нервно-психической адаптации И.Н. Гурвича, который не является инструментом клинической диагностики и применяется для установления условно «количественного» уровня нервно-психической адаптации. Результаты изучения уровня нервно-психической адаптации представлены в табл. 2.

Исходя из результатов исследования уровня нервно-психической адаптации респондентов из районов малоинтенсивных и интенсивных обстрелов, можно отметить, что исследуемые второй группы (РИО) в большей степени имеют признаки психической дезадаптации, чем первой (РМО). Так, 44,7% человек здоровых и практически здоровых выявлено в первой группе респондентов. Причем из них абсолютно здоровыми являются в основном юноши от 16 до 19 лет (21,3% от общей выборки группы) и мужчины 19–35 лет (14,5%), а также женщины (9,5%) в возрасте от 19 до 35 лет.

Во второй группе (РИО) 22,4% респондентов характеризуются относительным здоровьем. Практически одинаковые результаты обнаружены у респондентов двух групп по третьему показателю теста – «практически здоровые с неблагоприятными прогностическими признаками» – 21,7% и 24,5% соответственно. У людей данной группы отмечаются нервно-психическая неустойчивость, а также признаки стресса. Следует отметить, что существенных возрастных и межполовых различий в данной категории людей определено не было.

Таблица 2

**Средние значения уровня нервно-психической адаптации
(И.Н. Гурвич)**

Параметры здоровья	1-я группа (РМО)		2-я группа (РИО)	
	мужчины (n=134)	женщины (n=201)	мужчины (n=168)	женщины (n=220)
Здоровы	8,33±1,08	6,3±2,12	8,1±2,45	6,33±1,47
Практически здоровые с благоприятными прогностическими признаками	15,4±1,64	16,6±1,75	15,8±1,08	14,2±1,29
Практически здоровые с неблагоприятными прогностическими признаками (предпатология)	26,4±0,45	24,4±1,25	24,6±1,04	27,6±0,57
Легкая патология	34,8±1,67	35,4±2,02	37,2±1,19	39,2±0,42
Существенные признаки патологии	43,6±0,84	46,8±0,89	48,6±1,44*	58,8±1,24*

Примечание: * – различия значимы при $p < 0,05$).

Легкая степень психической дезадаптации наблюдается у 16,1% респондентов первой группы (РМО) и у 22,4% респондентов второй группы (РИО), что может проявляться вследствие проживания в зоне вооруженного конфликта при отсутствии элементарной безопасности жизни. Постоянное нахождение в стрессовых ситуациях, угрожающих не только здоровью, но и жизни, часто приводит к невротизации и нарушению психического здоровья человека (рис. 3).

Заслуживают внимание результаты, полученные по тестовому параметру «легкая патология», т.е. когда уже наблюдается вероятность выраженной психической патологии. В первой группе (РМО) выявлено 17,1% респондентов с патологией, во второй (РИО) – 30,7% человек. Причем больше половины второй группы этой категории составляют женщины в возрасте 35–60 лет и старше.

Как известно, психическая дезадаптация в условиях вооруженного конфликта может проявляться в нарушении пространства и времени, в появлении необычных психических состояний, сопровождаться выраженными вегетативными реакциями: повышением артериального давления, сердцебиением, одышкой. Появляются ощущения тревоги и напряжения, совершенно неадекватные фактическому состоянию организма [21]. Поскольку женщины с явными признаками дезадаптации относятся к возрастной группе 35–60 и старше, возможно, их состояния совпали со

временем возрастного кризиса, что усугубило психофизиологические реакции организма.

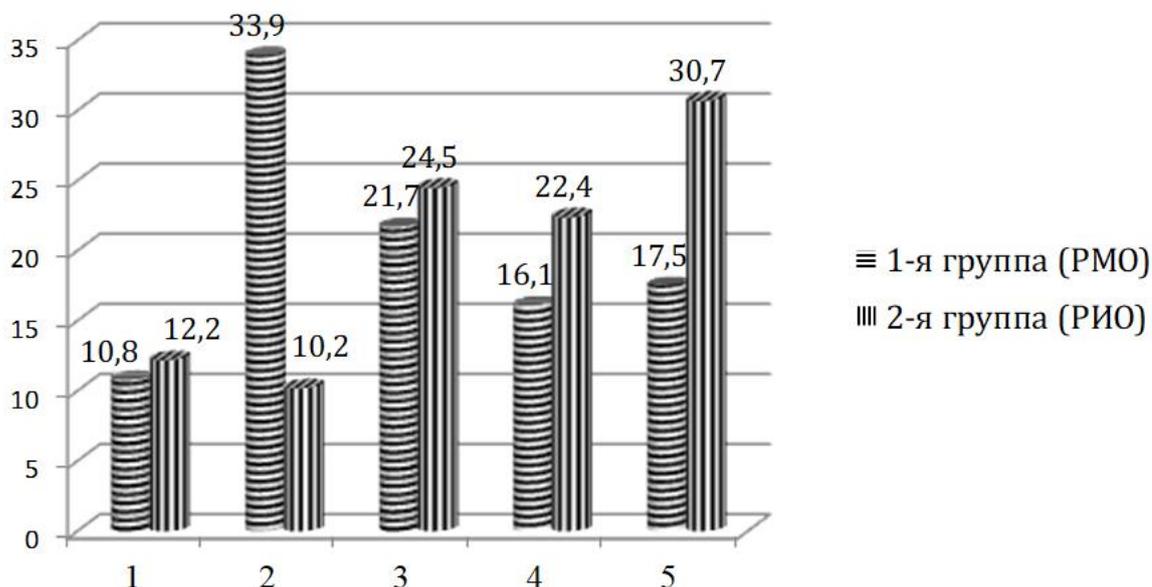

Рис. 3. Выраженность уровня здоровья в исследуемых группах (в %)

Примечание: 1 – здоровы; 2 – практически здоровые с благоприятными прогностическими признаками; 3 – практически здоровые с неблагоприятными прогностическими признаками (предпатология); 4 – легкая патология; 5 – существенные признаки патологии.

Подчеркнем, что в условиях военных действий у человека часто возникает глубокий внутренний конфликт. Личность подвержена трансформации прежних отношений к миру и к самой себе, происходит психологическая переориентация, устанавливаются новые системы ценностей, меняются критерии суждений, появляются тревожность, страх, агрессия, психическая неустойчивость [22].

В результате изучения уровня нервно-психического адаптации нами были выявлены статистически значимые различия по t-критерию Стьюдента ($p < 0,05$) у мужчин и женщин первой и второй групп по показателю – «легкая патология». Во второй группе (РИО) количество людей, имеющих выраженную психическую дезадаптацию, значительно больше, чем в первой группе (РМО).

Таким образом, в условиях вооруженного конфликта у личности происходит трансформация основных направлений адаптационной деятельности, и появляются патологические варианты адаптации.

Психологические особенности адаптации личности к экстремальным условиям жизнедеятельности нами изучались с помощью многоуровневого личностного опросника «Адаптивность» (МЛО), разработанного А.Г. Маклаковым и С.В. Чермяниным. Опросник предназначен для изучения адаптивных возможностей индивида на основе оценки психофизиологических и социально-психологических

характеристик, отражающих интегральные особенности психического и социального развития. Результаты изучения адаптационного потенциала респондентов двух исследуемых групп (РМО и РИО) представлены в табл. 3.

Таблица 3

Средние значения уровня адаптации в исследуемых группах (в стенах)

Шкалы	МИРО (n=335)		ИРО (n=388)	
	Ниже среднего	Выше среднего	Ниже среднего	Выше среднего
Нервно-психическая устойчивость	1,2±1,3	7,6±1,4	2,9±1,6*	8,1±1,4
Коммуникативные способности	2,4±1,1	8,9±1,2	3,1±1,9	6,9±1,1**
Моральная нормативность	1,3±1,6	7,8±1,3	3,7±2,1**	7,1±1,3
Личностный адаптивный потенциал	1,6±1,4	8,1±1,7	3,2±1,4*	7,4±2,5

Примечание: * – различия значимы при $p < 0,05$; ** – различия значимы при $p < 0,01$.

Высокий уровень нервно-психической устойчивости (НПУ) человека указывает на высокую адекватную самооценку и реальное восприятие действительности. Низкий уровень НПУ может говорить о возможных нервных срывах, об отсутствии реального восприятия действительности, неадекватной оценке не только своего поведения, но и окружающих (рис. 4).

Анализ данных по категории «нервно-психическая устойчивость» (НПУ) в первой группе (РМО) показал, что 49,8% респондентов (28,3% мужчин и 21,5% женщин) имеют уровень НПУ выше среднего, а 23% (10,4% мужчин и 12,6% женщин) – ниже среднего. Во второй группе (РИО) низкий уровень НПУ зафиксирован у 34% респондентов (18,5% мужчин и 15,5% женщин), а высокий уровень – у 46,6% исследуемых (26% мужчин и 20,6% женщин). Следует отметить, что в большей степени низкий уровень НПУ в двух группах был выявлен у молодых людей 17–19 лет и у женщин 35–60 лет. Возможно, это объясняется возрастными особенностями респондентов. По показателю «НПУ ниже среднего» выявлены статистически значимые различия по ϕ -критерию Фишера ($\phi^*_{эмп} = 2,576$, $p < 0,05$).

Как известно, нервный срыв характеризуется острым приступом тревоги, в результате чего нарушается привычный для человека образ жизни. В состоянии нервного срыва появляется ощущение отсутствия возможности контроля над собственными чувствами и действиями. Человек полностью поддается властвующим над ним в этот период состояниям стресса, беспокойства или тревоги [20].

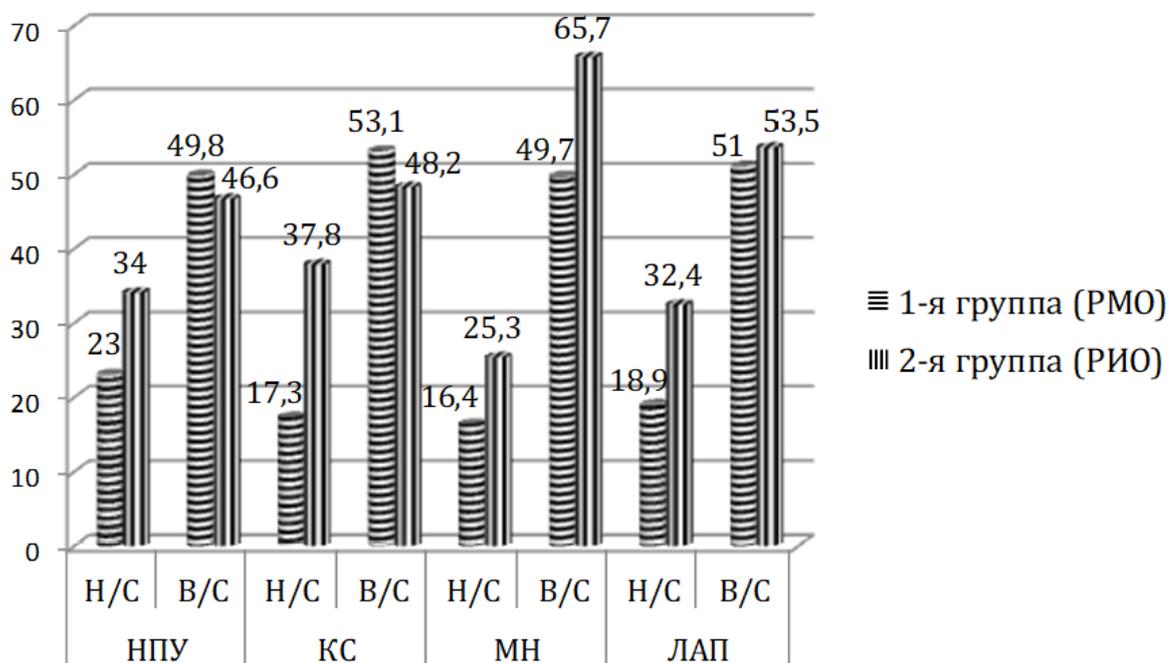

Рис. 4. Выраженность уровня адаптивности в исследуемых группах (в %)

Примечание. НПУ – нервно-психическая устойчивость; КС – коммуникативные способности; МН – моральная нормативность; ЛАП – личностный адаптивный потенциал. Уровни адаптации: Н/С – ниже среднего; В/С – выше среднего.

Достаточно длительное проживание в зоне вооруженного конфликта способствует проявлению всевозможных стрессовых реакций человеческого организма, которые могут усугубляться возрастными изменениями, гормональными сбоями и др.

Высокий уровень развития коммуникативных способностей выявлен у 53,1% респондентов первой группы (РМО) и у 48,2% исследуемых второй группы (РИО). Эта группа людей характеризуется прежде всего способностью легко устанавливать контакты с окружающими, не конфликтовать, адекватно взаимодействовать в различных экстремальных ситуациях.

Небольшое количество респондентов первой группы (17,3%) показали коммуникативные способности ниже среднего, что может свидетельствовать о затруднениях в построении контактов с окружающими, проявлении агрессивности и повышенной конфликтности.

Во второй группе (РИО) 37,8% респондентов (19,8% мужчин и 18% женщин) имеют низкий уровень коммуникативных способностей, что может быть связано с проживанием в районах интенсивных обстрелов, с вынужденной необходимостью ограничения общения и длительным пребыванием в стрессовом состоянии ($\varphi^*_{эмп}=4,857, p<0,05$).

Как отмечает И.Ю. Фомичев моральная нормативность – это способность индивида понимать и принимать установленные в обществе нормы и правила взаимного поведения [19]. Как правило, она формируется под влиянием эмоциональных и социальных переживаний, рационального осмысления ситуаций; зависит от воспитания, национальности, общественного устройства и среды обитания; детерминирует уровень эмоциональной устойчивости человека и является действенным фактором его успешной адаптации.

49,7% респондентов первой группы и 65,7% респондентов второй группы отличаются высоким уровнем моральной нормативности. Они способны реально оценить себя и свою роль в коллективе, ориентируются на соблюдение общепринятых норм поведения. Высокий уровень нормативности респондентов можно объяснить изменением их ценностно-смысловой сферы. У людей в условиях вооруженного конфликта происходит переоценка жизненных приоритетов, им свойственна взаимовыручка, обостренное чувство справедливости, желание скорейшего налаживания нормальной жизни, что возможно только при соблюдении установленных правовых норм.

Тем не менее были выявлены лица, имеющие низкий уровень моральной нормативности: 16,4% – в первой группе, 25,3% – во второй группе. Существенных гендерных или возрастных различий среди респондентов данной категории выявлено не было, поскольку этот признак характеризуется индивидуальной особенностью развития. Для этих индивидов, как правило, свойственны неадекватная оценка окружающих и несоблюдение общепринятых нормы поведения. Низкая моральная нормативность часто проявляется в экстремальных ситуациях, особенно в условиях вооруженного конфликта, когда наблюдается рассогласованность властных и силовых структур и присутствует правовая дестабилизация ситуации в регионе.

На основе полученных данных нами был выявлен личностный адаптационный потенциал опрошенных (ЛАП). У половины респондентов первой (51%) и второй (53,5%) групп был обнаружен высокий уровень ЛАП, что свидетельствует об их быстрой адаптации к новым условиям жизнедеятельности. Они достаточно легко и адекватно ориентируются в ситуации, быстро вырабатывают стратегию своего поведения, как правило, не конфликтны, обладают высокой эмоциональной устойчивостью. Наиболее адаптивными в первой и второй группах являются молодые люди 17–19 лет (15,2% и 21% соответственно), а также женщины в возрасте 19–35 лет (20,6% и 29,6% соответственно).

Низкий уровень адаптивности выявлен у 18,9% респондентов первой группы (РМО) и 32,4% – второй группы (РИО). Респондентам с низким уровнем адаптивности свойственны признаки явных акцентуаций характера. У некоторых могут проявляться признаки психопатий, возможны нервно-психические срывы. Люди этой категории, как правило, обладают низкой нервно-психической

устойчивостью, конфликтны, могут допускать асоциальные поступки; нуждаются в наблюдении психолога и врача (невропатолога, психиатра). По данному критерию установлены значимые статистические различия ($\varphi^*_{эмп}=4,627$, $p<0,05$).

Таким образом, в условиях вооруженного конфликта более адаптивными являются люди с устойчивой нервной системой, хорошими коммуникативными способностями и высоким уровнем моральной нормативности. Чаще всего это молодые люди в возрасте 17–19 лет и женщины 19–35 лет.

Выводы

На основании полученных результатов установлено, что респондентам первой группы (малоинтенсивно обстреливаемые районы) в основном присущи высокая активность, бодрость, спокойствие, они обладают здоровым оптимизмом, активны и удовлетворены жизнью. Более всего данные показатели выражены у женщин в возрасте 19–35 лет. Показано, что в первой группе почти половина респондентов имеет высокий уровень нервно-психической устойчивости; более высокий уровень наблюдается у мужчин.

Определено, что респондентам второй группы (интенсивно обстреливаемые районы) свойственны проявления раздражительности, тревоги, а также подавленности и безысходности. Они характеризуются быстрой утомляемостью, низкой работоспособностью, вялостью, снижением энергетического потенциала, эмоциональной устойчивости и моральной нормативности. У данной группы людей отмечается средняя нервно-психическая устойчивость (более высокий уровень НПУ присущ мужчинам), а также наблюдаются признаки стресса и психической дезадаптации (в основном у женщин 35–60 лет и старше). Они менее, чем респонденты первой группы, удовлетворены жизнью в целом, а также ниже оценивают личностную успешность. В наибольшей степени данные показатели выражены у женщин 19–35 лет и у мужчин 35–60 лет.

Определен личностный адаптационный потенциал (ЛАП) респондентов, который свидетельствует о том, что испытуемые обеих групп имеют высокий уровень личностного адаптационного потенциала, что характеризует их быструю адаптацию к новым условиям действительности. Наиболее адаптивными в первой и второй группах являются молодые люди 17–19 лет, а также женщины в возрасте 19–35 лет.

Анализируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что длительное проживание в зоне вооруженного конфликта, особенно в районах интенсивных обстрелов, существенно влияет на адаптивные способности человека: с одной стороны, активизирует его жизненные ресурсы, а с другой – может иметь негативные последствия для психического здоровья и привести к снижению адаптационного потенциала, дезадаптации.

Рядинская Е.Н. Особенности адаптационных ресурсов мирных жителей, проживающих в зоне вооруженного конфликта, в контексте изучения трансформаций личности
Клиническая и специальная психология
2017. Том 6. № 4. С. 105–124.

Ryadinskaya Ye.N. Features of the adaptation resources of the civilians living in the area of the armed conflict in the context of personality transformations
Clinical Psychology and Special Education
2017, vol. 6, no. 4, pp. 105–124.

Финансирование

Исследование выполнено в рамках Инициативного научного проекта фундаментального характера ЮФУ (реализация внутреннего гранта: ВнГр 07/2017-01).

Литература

1. Адаптация личности в современном мире: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: ИЦ «Наука», 2011. Вып. 3. 110 с.

2. *Абакумова И.В. Рядинская Е.Н.* Ценностно-смысловые установки как фактор социальной интеграции личности в условиях вооруженного конфликта // Вестник Удмурдского университета. 2016. Т. 27. № 1. С. 52–58.

3. *Абульханова-Славская К.А.* Типология активности личности в социальной психологии // Психология личности и образ жизни / под ред. М. Шороховой. М., 1987. С. 10–14.

4. *Безносиков В.Н.* Динамика первичной производственной адаптации молодых рабочих на промышленном предприятии: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1986. 189 с.

5. *Беляева Л.А.* Стратегии выживания, адаптации, преуспевания // Социс. 2001. № 6. С. 44–53.

6. *Березин Ф.Б.* Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л., 1988. 270 с.

7. *Георгиева И.А.* Социально-психологические факторы адаптации личности в коллективе: автореф. дис. ...канд. психол. наук. Л., 1985. 22 с.

8. *Гриценко В.В.* Теоретические основы исследования социально-психологической адаптации личности / группы в новой социо- и этнокультурной среде: Проблемы социальной психологии личности: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2005. Вып. 2. С. 4–22.

9. *Жмыриков А.Н.* Диагностика социально-психологической адаптированности личности в новых условиях деятельности и общения. Л., 1989. 192 с.

10. *Зеленов М.В., Лазебная Е.О., Тарабрина Н.В.* Психологические особенности посттравматических стрессовых состояний у участников войны в Афганистане // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 2. С. 34–47.

11. *Корниенко Д.С.* Личностные предикторы психологического благополучия [Электронный ресурс] // Фундаментальные исследования. 2014. Т. 11. № 2. С. 429–432. URL: <https://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=35541> (дата обращения: 15.12.2016).

Рядинская Е.Н. Особенности адаптационных ресурсов мирных жителей, проживающих в зоне вооруженного конфликта, в контексте изучения трансформаций личности
Клиническая и специальная психология
2017. Том 6. № 4. С. 105–124.

Ryadinskaya Ye.N. Features of the adaptation resources of the civilians living in the area of the armed conflict in the context of personality transformations
Clinical Psychology and Special Education
2017, vol. 6, no. 4, pp. 105–124.

12. *Кряжева И.К.* Социально-психологические факторы адаптации рабочего на производстве. М., 1983. 315 с.

13. *Лунин С.Л.* Особенности адаптации трудовых мигрантов разной этно-конфессиональной принадлежности // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: сборник материалов юбилейной конференции: в 5-ти тт. Т. 5. / Отв. ред. Д.Б. Богоявленская. М.: Изд-во «Когито-Центр», 2015. С. 263–265. URL: <http://hub.sfedu.ru/media/diss/b4c56750-0010-4c4b-8cd2-6373f6b61433/> (дата обращения: 11.08.2016).

14. *Маклаков А.Г.* Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 1. С. 16–24.

15. Психологический словарь: справочное издание / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Педагогика Пресс, 2006. 868 с.

16. *Реан А.А.* Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. СПб.: Прайм Еврознак, 2006. 479 с.

17. *Рунперт Ф.* Психологическая травма [Электронный ресурс] // Вопросы медицины и экологии, 2012. Т. 18. № 4. С. 81–92. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23404851> (дата обращения: 01.05.2015).

18. *Урываев В.А.* Трансформации личности как многоаспектная проблема [Электронный ресурс] // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика. 2013. Т. 2. № 2. URL: <http://medpsy.ru/climp> (дата обращения: 05.03.2015).

19. *Фомичев И.Ю.* Модусы моральной нормативности в менеджменте. Тюмень: изд-во ТюмГНГУ, 1999. 177 с.

20. *Чернов А.Ю.* Эмпирические модели трансформации личности // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7, Философия. 2014. Т. 21. № 1. С. 59–66.

21. *Basowitz H., Persky H., Korchin. Sh., Grinker R.* Anxiety and Stress: An Interdisciplinary Study of a Life Situation. New York: McGraw-Hill, 1955. P. 203–243.

22. *Dohrenwend B.P., Link B.G., Kern R., Shrout P.E.* et al. Measuring life events: The problem of variability within event categories. Special issue:II-IV. Advances in measuring life stress // Stress Med. 1990. V. 6. № 3. P. 179–187.

Features of the Adaptation Resources of the Civilians Living in the Area of the Armed Conflict in the Context of Personality Transformations

Ryadinskaya Ye.N.,

PhD (Psychology), Associate Professor, Academy of Psychology and Pedagogy, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Southern Federal University", Rostov-on-Don, Russia, muchalola@mail.ru

---

The article presents the data of an empirical study of the features of the adaptation resources of the population living under the conditions of the armed conflict. The study involved 723 people of both genders living in the immediate area of the armed conflict, their age ranging from 17 to 75 years old. It is empirically shown that the respondents of the first group (areas of low-intensity shelling) are generally characterized by high activity, cheerfulness, calmness, healthy optimism, they are active and satisfied with life; these indicators are more pronounced in women aged 19-35 years. It is established that in the first group almost half of the respondents show a high level of neuropsychic resistance; a higher level of it being observed in men. It has been determined that the respondents of the second group (areas of intensive shelling) are characterized by displays of irritability, anxiety, and also depression, despair. They are characterized by fast fatigue, low working capacity, lethargy, reduced energy potential and emotional stability, moral normalization. This group of people shows an average neuropsychic resistance, there are signs of stress and mental disadaptation (mainly in women aged 35-60 and older), they are less satisfied with life on the whole than the respondents of the first group, and they also give a lower estimate of their personal success. Most pronounced these indicators were in women 19-35 years old and in men 35-60 years old. It is also established that the subjects of both groups reveal a high level of personal adaptation potential, as evidenced by their rapid adaptation to the new reality conditions. The most adaptive in the first and second groups are young people aged 17-19, and also women aged 19-35. The main conclusions of this study are as follows: long-term residence in the area of the armed conflict, especially in the areas of intense shelling, significantly affects the adaptation capacity of a person, activates his life resources, on the one hand, and, on the other hand, it may have negative

consequences for the mental health and lead to disadaptation, and a decrease in the adaptation potential.

Keywords: adaptation, adaptability, adaptation resources, area of armed conflict, area of low-intensity shelling, area of intensive shelling, personality transformation.

Funding

The research was supported by the Initiative Fundamental Scientific Project of SFedU (implementation of the internal grant: VnGr 07/2017-01).

References

1. Adaptatsiya lichnosti v sovremennom mire: Mezhevuz. sb. nauch. tr. [Adaptation of personality in modern world: Interacademic collection of scientific works]. Saratov: Nauka, 2001. Iss. 3. 110 p.
2. Abakumova I.V., Ryadinskaya Ye.N. Tsennostno-smyslovye ustanovki kak faktor sotsial'noy integratsii lichnosti v usloviyakh vooruzhonnogo konflikta [Value-semantic attitudes as a factor of social integration of the individual under the conditions of armed conflict] // *Vestnik Udmurtskogo universityeta [Journal of Udmurtsky University]*, 2016, vol. 27, no. 1, pp. 52–58 (In Russ.).
3. Abul'khanova-Slavskaya K.A. Tipologiya aktivnosti lichnosti v sotsial'noy psikhologii [Typology of personality activity in social psychology]. In M. Shorokhova (ed.) *Psikhologiya lichnosti i obraz zhizni [Psychology of Personality and Way of Life]*. Moscow, 1987, pp. 10–14 (In Russ.).
4. Beznosikov V.N. Dinamika pervichnoy proizvodstvennoy adaptatsii molodykh rabochikh na promyshlyenom predpriyatii: Dis. ... kand. psikh. nauk [Dynamics of primary industrial adaptation of young workers at an industrial enterprise: PhD thesis (Psychology)]. Moscow, 1986. 189 p. (In Russ.).
5. Byelyayeva L.A. Strategii vyzhivaniya, adaptatsii, preuspevaniya [Strategies for survival, adaptation, prosperity]. *Sotsis [Sochi]*, 2010, no. 6, pp. 44–53 (In Russ.).
6. Byeryezin F.B. Psikhicheskaya i psikhofiziologicheskaya adaptatsiya chelovyeka [Mental and psychophysiological adaptation of a human]. Leningrad, 1988. 270 p. (In Russ.).
7. Georgiyeva I.A. Sotsial'no-psikhologicheskiye factory adaptatsii lichnosti v kollyektivye: avtoref. dis. kand. psikh. nauk. [Socio-psychological factors of personality adaptation in the team: PhD thesis (in Psychology)]. Leningrad, 1985. 22 p. (In Russ.).

8. Gritsenko V.V. Teoryeticheskiye osnovy isslyedovaniya sotsial'no-psikhologicheskoy adaptatsii lichnosti/gruppy v novoy sotsio- i etnokul'turnoy sryedye [Theoretical fundamentals of research of social and psychological adaptation of the person/group in a new socio- and ethno-cultural environment]. In *Problemy sotsial'noy psikhologii lichnosti: Mezhevuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Problems of Social Psychology of the Person: Interuniversity Collection of Scientific Works]. Saratov, 2005. Iss. 2, pp. 4–22. (In Russ.).

9. Zhmyrikov A.N. Diagnostika sotsial'no-psikhologicheskoy adaptirovannosti lichnosti v novykh usloviyakh dyeyatel'nosti i obshcheniya [Diagnostics of socio-psychological adaptation of the individual in the new conditions of activity and communication]. Leningrad, 1989. 192 p. (In Russ.).

10. Zelenov M.V., Lazebnaya Ye.O., Tarabrina N.V. Psikhologicheskiye osobennosti posttravmaticheskikh stressovykh sostoyaniy u uchastnikov voyny v Afganistanye [Psychological features of post-traumatic stress disorders in Afghanistan war veterans]. *Psikhologicheskyy zhurnal* [Psychological Journal], 1997, vol. 18, no. 2, pp. 34–47. (In Russ.).

11. Korniyenko D.S. Lichnostnye prediktory psikhologicheskogo blagopoluchiya [Personal predictors of psychological well-being]. *Fundamental'nye isslyedovaniya* [Fundamental Researches], 2014, vol. 11, no. 2, pp. 429–432 (In Russ.).

12. Kryazheva I.K. Sotsial'no-psikhologicheskiye factory adaptatsii rabochego na proizvodstvye [Socio-psychological factors of adaptation of the worker in production]. Moscow, 1983. 315 p. (In Russ.).

13. Lunin S.L., Abakumova I.V. Ossobennosti adaptatsii trudovykh migrantov raznoy etno-konfessional'noy prinadlezhnosti [Specific features of adaptation of labor migrants of different ethno-confessional affiliation]. In D.B. Bogoyavlenskaya (ed.) *Ot istokov k sobremennosti: 130 let organizatsii psikhologicheskogo obshchestva pri Moskovskom universityete: Sbornik matyerialov yubileyoy konferentsii: v 5-ti tomakh* [From sources to the present: 130 years of organization of psychological society at Moscow university. Collection of works of anniversary conference]. Vol 5. Moscow: Kogito-Tsentr, 2015, pp. 263–265 (In Russ.).

14. Maklakov A.G. Lichnostnyi adaptatsionnyi potentsial: yego mobilizatsiya i prognozirovaniye v ekstremal'nykh usloviyakh [Personal adaptive potential: its mobilization and forecasting in extreme conditions]. *Psikhologicheskyy zhurnal* [Psychological Journal]. 2001, vol. 22, no. 1, pp. 16–24.

15. Psikhologicheskyy slovar': spravochnoye izdaniye [Psychological dictionary: reference book], 2nd ed. V.P.Zinchenko, B.G.Meshcheryakov (eds.). Moscow: Pedagogika Press, 1999. 868 p.

16. Rean A.A. Psikhologiya adaptatsii lichnosti. Analiz. Teoriya. Praktika [Psychology of personality adaptation. Analysis. Theory. Practice]. Saimt-Petersburg, :Prime Evroznak, 2006. 479 p.

Рядинская Е.Н. Особенности адаптационных ресурсов мирных жителей, проживающих в зоне вооруженного конфликта, в контексте изучения трансформаций личности
Клиническая и специальная психология
2017. Том 6. № 4. С. 105–124.

Ryadinskaya Ye.N. Features of the adaptation resources of the civilians living in the area of the armed conflict in the context of personality transformations
Clinical Psychology and Special Education
2017, vol. 6, no. 4, pp. 105–124.

17. Ruppert F. Psikhologicheskaya travma [Psychological trauma] // *Voprosy meditsiny i ekologii [Problems of Medicine and Ecology]*, 2012, vol. 18, no. 4, pp. 81–92 (In Russ.).

18. Uryvayev V.A., Boychuk B.V. Transformatsiya lichnosti kak mnogoaspektnaya problema [Electronic resource] [Transformation of the personality as a multidimensional problem]. *Klinicheskaya i meditsinskaya psikhologiya: issledovaniya, obucheniye, praktika [Clinical and Medical Psychology Researches, Training, Practice]*, 2013, vol. 2, no. 2. URL: <http://medpsy.ru/climp> (Access: March 5, 2015). (In Russ.).

19. Fomichov I.Yu. Modusy moral'noy normativnosti v menedzhmentye [Modes of moral normality in management]. Tyumen: publ. of Tyumen State Oil and Gas University, 1999. 177 p. (In Russ.).

20. Chernov A. Yu., Bulanova I.S. Empiricheskiye modeli transformatsii lichnosti [Empirical models of personality transformation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universityeta [Journal of Volgograd State University]. Ser. 7, Filisofiya.* 2014, vol. 21, no. 1, pp. 59–66 (In Russ.).

21. Basowitz H., Persky H., Korchin. Sh., Grinker R. Anxiety and Stress: An Interdisciplinary Study of a Life Situation. New York: McGraw-Hill, 1955. Pp. 203–243. (In Engl.).

22. Dohrenwend B.P., Link B.G., Kern R., Shrout P.E. et al. Measuring life events: The problem of variability within event categories. Special issue:II-IV. Advances in measuring life stress. *Stress Med*, 1990, vol. 6, no. 3, pp. 179–187. (In Engl.).